

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСІ
ІНСТЫТУТ МОВАЗНАЎСТВА ІМЯ ЯКУБА КОЛАСА

ФУНКЦЫЯНАЛЬНЫЯ АСПЕКТЫ СЛОВАЎТВАРЭННЯ

Даклады IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі Камісіі па славянскаму
словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў

Мінск / Беларусь 9 – 14 кастрычніка 2006 г.

Бранко Тошович

Деривационные различия между сербским, хорватским и бошняцким
языками (прелиминариум)

С. 234–246.

Мінск
ВТАА «Права і эканоміка»
2006

ДЕРИВАЦИОННЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ СЕРБСКИМ, ХОРВАТСКИМ И БОШНЯЦКИМ ЯЗЫКАМИ (ПРЕЛИМИНАРИУМ¹)

0. Между сербским, хорватским и бошняцким² языками (далее С, Х, Б) существует большое число совпадений и сходств, но и определенные различия. Об этом существуют противоположные мнения: одни утверждают, что они являются минимальными, другие считают что они очень выражены. Никто не сомневается в том, что сходства являются большими, но спорным является то, насколько велики различия. Чтобы получить реальное представление о тождестве, сходстве и различии в системе словообразования, необходимо рассмотреть: 1) степень изученности словообразования данных языков, 2) уровень изученности деривационных различий, 3) наличие различий в деривационной терминологии, 4) стандартизацию словообразовательных явлений, 5) отношение предписанной и реализованной нормам, 6) стилистический, особенно функционально-стилистический характер словообразовательных различий, 7) возможность проверки в электронных корпусах, 8) суть деривационных различий.³ В настоящей работе мы сможем рассмотреть только первый и второй аспекты.

1. **Изученность словообразования.** Из 289 отдельных изданий, которые мы исследовали, лишь девять (3%) относятся к словообразованию. Из них 56% написаны сербскими лингвистами, а 44% хорватскими. Что касается периодики, мы рассмотрели 387 работ по словообразованию и пришли к выводу, что 56% относится к сербской лингвистике, 42% к хорватской и 2% к бошняцкой. Их основная часть посвящена отдельным словам (34%), суффиксам и суффиксации (31%), следуют общие проблемы словообразования (16%) и его соотношение с ономастикой (10%). В небольшой части работ рассматриваются приставки и префиксация (5%), сложные слова (4%) и моция (3%). Остальные вопросы представлены всего двумя процентами.

¹ Так мы называем анализ, имеющий предварительный характер, в основе которого находится более широкое исследование в рамках какого-либо научного проекта, монографии и т. п.

² Этот язык является одним из преемником бывшего сербохорватского языка. Боснийский язык имеет еще одно название – „бошняцкий“, которое предпочитают почти все сербы и многие хорваты.

³ Все это является предметом научного исследования „Различия между боснийским/бошняцким, хорватским и сербским языками“ (Грац, 2006-2007). Его основная задача – выявить существенные соотношения между указанными языками, в первую очередь расхождения.

2. **Уровень изученности деривационных различий.** Пока нет ни одной отдельной работы, посвященной различиям между С, Х и Б. Из-за этого основательные выводы можно сделать лишь после тщательных и глубоких исследований. О различиях больше всего говорится в хорватской литературе, причем как правило при рассмотрении конкретных вопросов. Очень часто в таких работах указывается на то, что речь идет о сербизме и что поэтому не рекомендуется его использовать. Это особенно характерно для Степана Бабича. Так, в анализе моциональных существительных он пишет: „Pravilo za osnove na **-telj** vrijedi samo za hrvatski književni jezik jer u njemu samo iznimno dolaze imenice sa **-teljka**. U srpskom je **-teljka** normalno, a **-teljica** samo iznimno. To je jedna od tvorbenih razlika između ta dva književan tipa.“ (BABIĆ 1995a, 126)¹. В хорватском языке используются существительные с суффиксом **-teljka** типа: *natjecateljka*, *čitateljka*, *osiguravateljka*, *trepteljka*, *učiteljka*, *dobročiniteljka*, *spasiteljka*, *roditeljka*, *žiteljka*, *buteljka*, *braniteljka* [Kro-Korp1]. Утверждение, будто в сербском языке существительные для обозначения лиц женского пола на **-teljica** являются исключением, не подтверждается нашими данными, а именно 74 примерами: *braniteljica*, *buditeljica*, *čitateljica*, *darovateljica*, *davateljica*, *dobročiniteljica*, *domoupraviteljica*, *gledateljica*, *gojiteljica*, *goniteljica*, *graditeljica*, *hranjiteljica*, *iskupiteljica*, *izbaviteljica*, *izjednačiteljica*, *izmiriteljica*, *izumiteljica*, *krotiteljica*, *kućepaziteljica*, *ljubiteljica*, *miriteljica*, *moliteljica*, *mučiteljica*, *nadahniteljica*, *nadzirateljica*, *nastojateljica* и т.д., включенными в Обратный словарь сербского языка [NIKOLIĆ 2000, 215-216]. Поэтому вряд ли стоит называть исключением то, что представлено целым набором примеров. Здесь лучше говорить о том, насколько употребляются такие лексемы, какая их частота и как они в реальной практике сосуществуют со словами, имеющими суффикс **-teljka**. В упомянутом словаре оказалось почти в одинаковом количестве (78) существительных с этим суффиксом: *braniteljka*, *buditeljka*, *čitateljka*, *darovateljka*, *davateljka*, *dobročiniteljka*, *domostrojiteljka*, *domourpaviteljka*, *gajiteljka*, *gledateljka*, *gojiteljka*, *goniteljka*, *graditeljka*, *hranjiteljka*, *isceljiteljka*, *iskupiteljka* и т.д.. Далее Бабич утверждает: „Ako osnovna imenica završava na **St**, tada u srpskom književnom jeziku dolazi samo **-kinja** (*maturatkinja*, *studentkinja*), a u hrvatskom **-ica** i **-kinja** (*maturantica*, *studentica*..., *feministkinja*, *komunistkinja*...), dubletno (*biciklistica* – *biciklistkinja*, *konkurentica* – *konkurentkinja*...)“ [BABIĆ 1995a: 131] Но это тоже является

¹ На другом месте С. Бабич критически рассматривает позицию М. Стевановича, который писал: „Ove imenice [*roditelj*, *prijatelj*, *učitelj*... – В. Т.) su građene prema ruskom ili starocrkvenom jeziku (istakao S. B.), zato ih je kod starijih pisaca bilo znatno više. Kod njih nalazimo i: *gonitelj*, i *krčitelj*, i *istrebitelj*, i *preporoditelj*, i *čitatelj* i dr. Ali ove reči ne odgovaraju prirodi našeg jezika (istakao S. B.), već se mesto njih upotrebljavaju imenice na **-lac**: *gonilac*, *krčilac* itd.“ [BABIĆ 1968, 69-70].

спорным: в сербском языке существуют целая группа слов (50) типа: *agentica, altistica, apsolventica, apstinentica, artistica, bahantica, cirkusantica, scenaristica, slavistica, solistica, sopranistica, statistica, stažistica, stenotipistica, stipendistica, studentica, suplentica, telefonistica, vještica* и под. [NIKOLIĆ 2000].

На позицию С. Бабица „А најважније је нагласити да нема ни једне именце са **-kinja** која данас не би могла тај суфикс лако замијенити са **-ica**“, отреагировао писац Слободан Новак, сказав да је много таквих речи. С овим Бабиц сагласио се и одговорио, да он имао у виду само постојеће на **-ant, -ent, -ist** [BABIĆ 1999b: 198].¹ У речнику Јосипа Матешића ми нашли смо 36 постојећих на **-antkinja**: *bahantkinja, bakanantkinja, cirkusantkinja, debitantkinja, defraudantkinja, demonstrantkinja, denuncijsantkinja, diletantkinja, diplomantkinja, diskutantkinja, maturantkinja, praktikantkinja, prenumerantkinja, prevarantkinja, projektantkinja, protestantkinja, reflektantkinja, reprezentantkinja, špekulantkinja, trafikantkinja* и под., 19 постојећих на **-entkinja**: *pacijentkinja, petentkinja, pretendentkinja, referentkinja, regentkinja, repetentkinja, studentkinja, suplentkinja*² и под. и 195 постојећих на **-istkinja**: *enciklopedistkinja, epizodistkinja, esejistkinja, esperantistkinja, fabulistkinja, fakturistkinja, fašistkinja, fatalistkinja, federalistkinja, feljtonistkinja, feministkinja, filatelistskinja, finalistkinja, folkloristkinja, formalistkinja, futuristkinja, germanistkinja, gimnazistkinja, gitaristkinja, grecistkinja, harfistkinja, horistkinja, klerofašistkinja, klinicistkinja, kokainistkinja, kolaboracionistkinja, kolonistkinja, komercijalistkinja, komponistkinja, komunistkinja, kongreganistkinja, kongresistkinja, konjunkturistkinja, kontoaristkinja, konzervativistkinja, konzervatoristkinja, kopistkinja, koristkinja, kriminalistkinja, kroatistkinja, kubistkinja, kupletistkinja, kursistkinja, laburistkinja, stipendistkinja, sufrazistkinja, telefonistkinja, telegrafistkinja, teroristkinja, tradicionalistkinja, traktoristkinja, trockistkinja, turistkinja, unanimistkinja, unionistkinja, unitaristkinja, urbanistkinja, verbalistkinja, veristkinja, viliončelistkinja, violinistkinja, violončelistkinja, zboristkinja, zenitistkinja, žirondistkinja, žurnalistkinja* и под. [MATEŠIĆ 1965-1966]. Далеко Бабиц тврди: „Суфикс је **-lica** нормалан и плодан суфикс, а **-alica** само изниман.“ [BABIĆ 2002: 111]. Но лексем на **-alica** довољно много у

¹ Бабиц критички односи се к тим, које, на његов поглед, не веома добро разбирају у овом питању: „[...] неки криво схваћају хрватско-српски однос *doktorica – doktorica, profesorica – profesorka, studentica – studentkinja* сматрајући да је **-ica** хрватски суфикс, а **-ka, -kinja** српски па постоје наметнути **-ica** и тамо где му по хрватском језику не место. Тако су нам недавно неки покушали наметнути облике као *novinarica, sinoptičarica, sudica* и сл. Сметали су с њима или никада нису ни знали да су суфикси моћије творбе **-ica, -ka, -kinja, -inja** једнако хрватски као и српски, а разликују се само расподјелом, хрватска је нешто drukčija од српске.“ [BABIĆ 1999a, 109].

² У обратном речнику српског језика наводе се 23 постојећих на **-entkinja** [NIKOLIĆ 2000].

речнику Матешића 1965-1966 (220 примерова) и Николића 2000 (281). У закључењу Бабиц пише: „На расподјели теже и то између хрватског и српског језика на овом подручју постоје и системске разлике (подвукао БТ), као што се видјело из досадашњег излагања.“ (BABIĆ 1995a: 131) Ипак, ако наши наведени подаци показују да су тачни, онда они оповргавају такав закључак. К сожалению, Бабиц не зауставља се на овом. Он наставља: „Има велики број веома честих ријечи моћије творбе које у хрватском књижевном језику имају **-ica**, а у српском **-ka** или **-kinja**: *autorica – autorka, doktorica – doktorica, hraniteljica – hraniteljka, partnerica – partnerka, profesorica – profesorka, slikarica – slikarka, maturantica – maturantkinja, studentica – studentkinja*...“ [BABIĆ 1995a, 132]. Но ријечи на **-rica** представљене и у обратном речнику српског језика [NIKOLIĆ 2000]. На пример: *arhivarica, autorica, bačvarica, badnjarica, bedinera, berberica, bibliotekarica, bojarica, bravarica, brdarica, brodarica, bubnjarica, cicvarica, čigrica, cimerica, pretrgarica, profesorica, pudarica, purgarica, rektorica, salatarica, sekretarica, senatorica, serdarica, šiparica, slastičarica, slikarica, služarica, smokvarica, šnajderica, sobarica, šogorica, spikerica, spletkarica, sprinterica, starica, stazarica*. Тешко представити, да у српском језику можемо користити суфикс **-ka, -kinja** уместо **-ica** у ријечима типа *pušačica, navijačica, rukometašica, odbojkašica*. Осим тога, у хрватском језику постоји цјелокупност ријечи на **-rka** [Kro-Korpl]: *analitičarka, atletičarka, atletičarka, bolničarka, dijabetičarka, dramatičarka, frizerka, gimnastičarka, grafičarka, guvernerka, instalaterka, instrumentarica, inženjerka, jedriličarka, juniorica, keramičarka, kozmetičarka, kritičarka, liječnica, maserica, mističarka, mjesecačarka, montažerka, narkomanka, novinarka, parlamentarica, pionirica, poklisarica, političarka, povjesničarka, premijerica, recepcionarica, rekordarica, reporterica, revolucionarica, seniorica, smečarka, tehničarka, vratarica*.¹

У другој раду овај аутор заузима умерену позицију и тврди, да неке, покушавајући да разликују између хрватског и српског језика, често старате се и чине насиље над хрватским језиком,² и да проблем је једноставно, да се он реши.

¹ Правда, Степан Бабиц пише о таквим случајевима.

² У овом случају он пише: „Неки у настојању да хрватски језик похрвате, чине једнако тако велики грех, ако не и већи, као да су употребили српизам. Каткада похрваћење иде до комичности. Тако нас један новинар упозорава да се на туристичкој страници Вјесника појавила ријеч *krstarenje*, а мало затим каже *krizarenje* Nilom, а други у истом броју Вјесника на зачет другог новоговорника који је уместо *srednji vijek* написао *u ranom srednjem Stoljeću*. Трећи новинар пишући о пожару у небодеру у Новоме Загребу, преноси ријеч *stanarke* у чијем је стану избио пожар, и каже да је она *stanarica* (отметити БТ).“ [BABIĆ 2004, 182]. Он даје следећи коментар: „За поправљање хрватског језика није довољно родољубље, него треба и знања. Тко за станарку каже да је *stanarica*, тај не само да не зна довољно хрватски језик него ни зоологију. Знање о птицама станарима и сличним иде у орцу наобразбу [...] Тко дакле жели хрватски језик похрваћивати, а није потпуно сигуран, нека прије

политически и сказать, что **-ica** является хорватским суффиксом, а **-kinja** сербским [Babić 2004, 181].

С связи с существительными с суффиксом **-ba** Бабич констатирует, что некоторые из них используются только в хорватском, а другие на всей хорватско-сербской территории, причем синонимы на **-ba** являются более частотными в хорватском языке [BABIĆ 1995a: 137]. Здесь он повторяет то, что сказал в работе, опубликованное в 1964 году: при наличии двух существительных – отглагольного и не глагольного, надо предпочитать второе [BABIĆ 1963/64, 68]. Отметим, что данная работа имела название „О уklanjanju hrvatsko-srpskih jezičnih razlika“ („Об устранении хорватско-сербских языковых различий“). Но сегодня Степан Бабич является одним из самых ярких сторонников удаления хорватского от сербского, к чему он, по собственному признанию, стремится. Позиция в исследовании структуры языка, основанная не на научных позициях, а на политических, общественных, идеологический или личных, всегда вызывает подозрение.¹

В различных работах С. Бабич рассматривает ряд конкретных слов по их отношению к сербскому языку. В связи с вопросом, что является правильным *dioničko* или *dioničarsko društvo*, Бабич утверждает: „Srpski se to kaže akcionersko društvo, čemu je u hrvatskom adekvatno dioničarsko društvo.“ [BABIĆ 1989a, 26]. Но это противоречит фактам: в сербском языке используется и прилагательное *deoničkoldioničko*, *deoničarskoldioničarsko*. В качестве доказательства приведем лишь следующий пример: Комитет по стандартизации сербского языка принял Решение № 3 „Akcionarsko, deoličko ili deoničarsko društvo“, в котором написано: „Od tri istoznačna izraza u javnom optičaju najpogodnijim se može smatrati deoničarsko društvo.“ [Srpski jezik 2006, 77-78]. В принятом решении указывается на то, что все три прилагательных являются правильными. Бабич также утверждает: „[...] zanimljivo je pripomenuti da hrvatski i srpski naziv ne bi mogli biti isti ni kad bi Hrvati uzeli tuđicu akcija ni kad bi Srbi preuzeli hrvatsku riječ dionica. U prvom slučaju hrvatski naziv bio bi akcionarsko društvo, a srpski akcionersko društvo, a u drugom hrvatski dioničko društvo, a srpski deoničko društvo.“ [BABIĆ 1989a, 26]. Это тоже не соответствует тому, что приводится в указанном сербском решении.

В связи с словами *dobrovoljac* и *dragoljovac* Степан Бабич пишет, что есть много примеров для обоих слов и в хорватском и в сербской

dobro provjeri svoje inovacije ili neka pohrvaćivanje prepusti znalcima. Jezik je nježno tkivo i nije za grube ruke pa bile i rodoljubne“.

Его взгляды являются часто противоречивыми. Например, на одном месте он утверждает „Najbolje je kad se opravdane promjene zbivaju neprimjetno, postupno, kako se u jeziku često i zbiva, no skazu dodavlja: „osim ako ne dode do prijelomnih razdoblja kao što je ovo naše.“ [BABIĆ 1995a, 143]. В 1964 году он писал, что „u rješavanju spornih riječi ne bismo smjeli polaziti odatle da li se koja riječ više upotrebljava u Srbiji ili Hrvatskoj“ [Babić 1963/64: 63].

литературе [Babić 1996].¹ Он считает, что в хорватском языке преобладает *polovica*, а в сербском *polovina*, хотя нельзя говорить о четкой поляризации, а о тенденции [BABIĆ 2000, 154]. С. Бабич отмечает, что в некоторых пособиях утверждается, что слово *polovina* является сербским, а *polovica* хорватским, „но я считаю, что они не заслуживают особого внимания, хотя такое мнение является характерным“ [BABIĆ 2000, 153]. Он считает, что в сербском языке более обычным является *polovina*, а в хорватском *polovica*. „Mislim da se ipak ne može govoriti o jasnoj hrvatsko-srpskoj polarizaciji tih riječi nego samo težnji za takvom polarizacijom.“ [BABIĆ 2000, 154].² „Razliku treba dakle tražiti na području upotrebe i na semantičkom planu.“ [BABIĆ 2000, 154]. Что касается слов *sjedalo* и *sjedište*, Бабич пишет, что нельзя утверждать, что в хорватском языке используется только *sjedalo* в значении ‘место для сиденья’. [BABIĆ 1985, 154].³ По отношению к выражению *Djed Božićnjak* (является ли правильной заменой „коммунистического“ *Djeda Mraza* и „сербского“ *Božić-Bata* выражением *Djed Božićnjak* („zamjena za komunističkoga Djeda Mraza ili srpskoga Božić-Batu“), Бабич выступает против названия *Djed Božićnjak*, так как, по его мнению, речь идет о насильственном изменении коммунистического *Дед мороза*, Кроме того, „našoj djeci darove za Božić donosi Mali Isus (а на nekakav Djed, па ни *Djed Božićnjak*)“ [BABIĆ 1993, 63].⁴ Бабич констатирует, что в последнее время появилось много тех, которые придумывают новые слова (для них он использует название „tvorbenjak“).⁵

3. Одним из первых, кто попытался разобраться в сербском и хорватском характере глаголов **-isati** и **-irati**, был Петр Скок (SKOK 1955-1956). Он указывал на разницу в употреблении таких глаголов на западной

¹ „Ne može se dakle govoriti da je jedna hrvatska, a druga srpska.“ [BABIĆ 1996, 34]. „Obje su dakle riječi hrvatske, а што је *dragoljovac* danas u izrazitoj prednosti, to je zato što nestručnjaci primjenjuju u načelu neprihvatljivo pravilo: ako je od dva sinonima jedan rjeđi, taj je hrvatski. To pravilo u konkretnome rješavanju nekih problema nije dobro.“ [BABIĆ 1996: 34].

² Об этих двух словах см. также [BABIĆ 2001].

³ Илья Протуджер различает *sjedalicu*, *sjedalo* и *sjedište* [PROTUDER 1988, 112].

⁴ Степко Тежак предлагает слово *Božićnjak* заменить словом *Božičko* [Težak 2000, 139]. См. также [BIČANIĆ 1993].

⁵ „Javilo se više tvorbenjaka, uglavnom laika, koji pokušavaju zamijeniti mnoge, često ustaljene tuđice, а neki nastoje i sve, jasno, bez uspjeha, ali su zanimljive neke njihove tvorbe: *akademija* – *znanište*, *alarm* – *bun*, *alt* – *dubik*, *amortizer* – *ublaženik*, *ampula* – *sudak*, *Ande* – *Velegorje*, *bomba* – *krhotnica*, *rasprsnica*, *dok* – *brodovište*, *kompresor* – *tlačilo*, *kongruencija* – *sukladba*, *separator* – *odvojniki*, *sintagma* – *skupnica*, *snajper* – *točnozor*, *šljem* – *tjemenac*, *glavoštitnik*, *tromblon* – *izbačnica*...“ [BABIĆ 1998, 113]. Для новых „словотворцев“ (novi jezički dušebrižnici) Степко Тежак использует название *gledenazočnišvo*, *gledenazočnici* (*gledenazočnišvo*, *gledenazočnici*) [TEŽAK 1991, 116].

и восточной частях сербохорватского языка: „Sufiks *-isati* nalazio se prvobitno samo na istoku našeg velikog područja.“ [SKOK 1955-1956, 37].¹

4. Среди других авторов заслуживают внимания взгляды Марьяна Крмпотича (KRMPOTIĆ 2001). На одном месте он предупреждает: „POZOR! Srbi kažu *lasta*, Hrvati *lastavica* i ne osjećaju tu riječ kano umanjenicu. Srbi kažu samo *ljubičica*, što je u hrvatskom umanjica i znači samo *ljubica*, pa Hrvati riječ *ljubica* ne osjećaju uvećanicom.“ (KRMPOTIĆ 2001: 144). Но в Serb-Korp мы нашли 23 слов *lastavica*. Далее он пишет: „Obćenito, hrvatski često ima različite dočetakke od srbskoga za tvorbu izvedenica koje znače zanimanje, osobinu ili činitelja neke radnje u mužkome rodu ili različite riječi. Srbi često rabe i tuđice ili za njihovu tvorbu tuđe dočetakke.“ В списке около 100 слов Крмпотич приводит и такие (на его взгляд) сербские слова: *njorac* (вообще нет примеров в Korp-Serb, „хорватское“ *ronilac* 49, *gnjurac* 3) *gnjurač* (в Korp-Serb 0), *poručioc* (вообще нет примеров в Korp-Serb, *poručilac* упоминается в нем только один раз, а также *naručilac*), *varalac* (в Serb-Korp 19, „хорв.“ *varalica* 38), *zaveštač* (в Serb-Korp 1, „хорв.“ *oporučitelj* 0), *zavisnik* (в Serb-Korp 41, „хорв.“ *ovisnik* 10), *gajitelj* (в Serb-Korp 0, „хорв.“ *uzgajitelj* 1). Очень странным является тот факт, что к сербским словам М. Крмпотич относит неправильные формы типа *prenosioc* (по отношению к хорватскому *prenosnik*), *predvodioc* (*predvodilac*), *poručioc* – (*naručitelj*), *varioc* (*zavarivač*), *zavodioc* (*zavodnik*). Сербскими формами он считает также *armiski* (в хорватском: *armijski*), *hemiski* (в хорватском: *kemijski*), *istoriski* (в хорватском: *historijski*), *kaliski* (в хорватском: *kalijski*), *lutriski* (в хорватском: *lutrijski*), *preriski* (в хорватском: *prerijski*), *sudiski* (в хорватском: *sudijski*), *šumadiski* (в хорватском: *šumadijski*), *teoriski* (в хорватском: *teorijski*) [KRMPOTIĆ 2001, 189]. Насколько все это спорно, свидетельствует следующий пример: в качестве эквивалента для хорватского выражения *zadnji tjedan u ožujku* или *zadnja nedjelja u ožujku* он приводит *poslednja neđelja u martu* [подчеркнул Б. Т.] – [KRMPOTIĆ 2001, 193]. Этот автор утверждает, что сербы всегда используют предлог *sa*, однако в сербском так часто появляется предлог *s*, что при нашей попытке перенести в Word все примеры, обнаруженные нами в Korp-Serb, программа зависла.² Далее Крмпотич утверждает: „U

¹ Он продолжает: „Glagolski sufiks na zapadnu je književni sufiks, koji je u paponskoj Hrvatskoj prodr'o i u narodni govor.“ [SKOK 1955-1956: 39]. „Maretić je tvrdio da *-isati* nije nimalo srpskije od *-irati*.“ [SKOK 1955-1956, 41]. „Kod nekih glagola se već stvorio izvjestan uzus u Beogradu na *-isati*, a kod drugih u Zagrebu na *-irati*.“ [SKOK 1955-1956, 43].

² Критически рассматривая позицию Иво Праньковича, Божо Чорич также указал на неоправданность исключения предлога *s* из сербского языка: „Površna konstatacija da u srpskom 'imamo gotovo uvijek *sa* i *ka*, za razliku od hrvatskog koji ima *s* i *k*, osim kad prijedlozi dolaze ispred istih ili posve sličnih suglasnika i suglasničkih skupina (usp. *s njima* – *sa njima*, *s prijateljem* – *sa prijateljem* [...]) predstavlja eklenatan primjer obmanjivanja javnosti netačnim predstavljanjem činjenica. U svim gramatikama, nezavisno

hrvatskom rabimo ženski rod imenica za oznaku zanimanja žena. Srbi govore o ženama u mužkom rodu.“ [KRMPOTIĆ 2001, 150]. Следовательно: в сербском языке нет другой возможности. На одном месте он слово *čivutana* упоминает как сербское, хотя в настоящее время оно вышло из активного употребления и поэтому его вообще нет в Korp-Serb.¹ Он также констатирует, что „Srbski ima *za-*, hrvatski *u-*, на пр.: *zamoren* = *umoran*“, хотя прилагательное *umoran* встречается в Serb-Korp очень часто (580). Спорным является и следующее утверждение: „Srbski ima *sa-*, hrvatski *pri-* ili *do-*, на пр.: *sačekati* = *pričekati dočekati* [KRMPOTIĆ 2001, 171], так как *pričekati* встречается в Serb-Korp 104 раза, а *dočekati* Serb-Korp 142. М. Крмпотич также предупреждает: „POZOR! Kako Srbi ne imaju zbornih imenica: *gledateljstvo*, *slušateljstvo*, *čitateljstvo*, onda mjesto *gledateljstvo* rabe riječ *gledalište*, a *gledalište* u hrvatskom znači 'prostor za gledateljstvo'. PRIMJERICE: 'Gledalište Hrvatskoga narodnoga kazališta u Zagrebu može primiti brojno gledateljstvo'. Tako, Srbi moraju pozdraviti: 'Dragi slušaoci!' i 'Dragi gledaoci!' i 'Poštovana čitalačka publiko!', služeći se pravilom vukovaca iz srbskoga kako mužki rod kao neobilježen odjel može biti i zastupnikom obaju spolova. Hrvatskom to ne treba. Hrvati za to imaju svoje zbirne imenice koje obuhvaćaju i mužkarce i žene: 'Štovano gledateljstvo!' ili 'Veleštovano slušateljstvo!' ili 'Cijenjeno čitateljstvo!' i t. d.“ [KRMPOTIĆ 2001, 144].² В глагольных формах *preporučam* и *preporučujem*. Марьян Крмпотич не находит хорватско-сербское различие, а хорватскую региональную дифференциацию.³

5. Илья Протуджер является еще одним хорватским языковедом, который занимается словообразовательными различиями между хорватским и сербским языками [PROTUDER 1998]. Он не интересуется теоретическими вопросами словообразования, а конкретными нормативными проблемами. Этот автор указывает в частности на то, что *uputstvo* является сербизмом, а *naputak* представляет собой старое хорватское слово.⁴ Протуджер выступает за равномерное использование

od mjesta štampanja, ova dva predloga navode se u dvama likovima: *s(a)* i *k(a)*.“ [ČORIĆ 1998, 555].

¹ „Tako i u srbskom ima imenica s dočetakom *-na*; primjerice: *čivutana* (geto).“ [KRMPOTIĆ 2001, 152].

² В целях унификации мы и здесь использовали маркировку слов при помощи курсива и убрали кавычки, а для выделения аффиксов – полужирный шрифт.

³ По отношению к паре *preporučam* – *preporučujem* Степко Тежак различает восточную и западную часть Хорватии: „Moglo bi se tvrditi da je za istočni dio hrvatskog jezičnog područja *preporučam* zastarjelo, ali se to za zapadni dio teško može reći, iako lektori taj lik marljivo trijebe.“ [TEŽAK 1991, 115].

⁴ „*Uputstvo* je srbizam, a *naputak* je stara hrvatska riječ.“ [PROTUDER 1998, 10].

izvješće и *izvještaj*.¹ Он рекомендует выбросить слово *ponaosob* и *naosob*,² а также выступает против слова *kičma*.³ Вместо *telefaks* он предлагает *dalekoumnoživač*, вместо *teleperinter* – *dalekopisač*, *telefoto* – *dalekoslikač* [PROTUDER 1998, 62]. По его мнению из шести названий *ratar*, *težak*, *zemljoradnik*, *poljoprivrednik*, *poljodjelatnik*, *poljodjelac* слово *zemljoradnik* является более сербским, а в хорватском больше всего используется *poljodjelac* и *poljodjelatnik*. „*Zemljoprivreda* i *zemljoprivrednik* djelomice su u duhu srpskoga, a hrvatskome jeziku ostali nazivi [ratarstvo, zemljoradnja, zemljotežništvo, poljoprivreda, poljodjelstvo – В. Т.].“ [Protuder 1998, 68]. Прилагательное (*ne*)*zavistan* считает не только сербским, но и хорватским.⁴

6. Список примеров Петра Губерины, который одним из первых написал отдельную статью о словообразовательных различиях между хорватским и сербским языками, во многом не соответствует современному состоянию и требует осторожности при использовании [GUBERINA 1941].

7. В стремлении все слова, которые считаются сербизмами, заменить сугубо хорватскими, появляется одно значительное препятствие, которое мы называем блокированной деривацией. Под этим мы подразумеваем случаи, когда в принципе можно образовать определенное слово, но этому мешает то, что уже существует такое слово с другим значением. В сербском-хорватских словообразовательных корреляциях попадают часто такие случаи. С этой проблемой сталкиваются особенно те, которые во что бы то ни стало стараются заменить слово, которое является на их взгляд сербизмом. Например, в хорватском языке *крест* гласит *križ*, а в сербском *krst*. Но в хорватском нельзя сказать *križariti*, а *krstariti*, так как глагол *križariti* занят другим значением. *Крылатая ракета* на сербском называется *krstareća raketa*, но в хорватском языке нельзя употребить *križna* или *križareća raketa*. Некоторые слова, от которых нельзя образовать хорватскую лексему, приводит сам Бабиц, скажем *krstarica* ‘крейсер’, так как *križarica* имеет значение ‘жена крижара’ [BABIĆ 2004, 193]. Определенные хорватские слова можно

¹ „*Izvješće* ne treba potiskivati *izvještaj*, kako se to sada posljednjih pet-šest godina činilo, jer se obje riječi uklapaju u hrvatski rječotvorni sustav. *Izvještaj* ima prednost, a može imati značenje: kraći izvještaj.“ [PROTUDER 1998: 104].

² „Priloge *ponaosob* i *naosob* treba odstraniti iz hrvatskoga jezika koji su mu u posljednjih sedamdeset godina na silu nametnuli i nemaju nikakva uporišta u hrvatskoj jezičnoj tradiciji.“ [PROTUDER 1998, 59].

³ „Riječ *kralježnica* i *kralješnica* rabit ćemo u biološkome i medicinskome nazivlju, a ne riječ *kičma* jer ona tim dijelom pripada srpskome jeziku.“ [PROTUDER 1998, 54].

⁴ „Svojedobno sam se prepirao (polemizirao) u novinama s cijeljenim jezikoslovcem o tome kako riječ (*ne*)*zavistan* nije samo srpska, kako je on tvrdio, nego je i hrvatska, kako sam ja dokazivao. Naravno, nismo se složili, a ja i dalje mislim da su riječi *zavisan*, *nezavisan*, *zavisiti* i sl. hrvatske riječi, iako predlost dajem riječima *ovisan*, *neovisan*, *ovisiti* i sl.“ [PROTUDER 1998, 71].

образовать только от *krst*: *krstokljun* (птица), *raskrstiti* s kime (прекратить отношения, разойтись с кем-нибудь), *krstariti* (делать круиз, быть в круизе): *krstarenje* brodom (круиз). Существует целый ряд таких примеров в терминологии, скажем *pauk krstaš* (*Araneus diadematus*)¹, так как *križar* обозначает человека. Некоторые слова при этом меняют оттенки значения лексемы *krstarenje*, напр., *križanje*, *kružna plovidba*. Бабиц указывает на то, что хорватскими словами являются и *križ* и *krst*, так как хорваты используют слово *krst* в выражениях типа *krst* Ivanov, Jedna vjera! Jedan *krst*! Он указывает и на семантическую разницу в некоторых случаях: предложение *Dijete se križa*, значит ребенок правой рукой делает знак креста на себе, а предложение *Dijete se krsti*, обозначает церковный обряд крещения ребенка, когда ему дают имя, поэтому тогда используется слово *krst*, *kršćenje*, *krstite*. Тот, который крестит, называется *krstitelj* (ср. *Ivan Krstitelj*), тот, кого крестят – *krštenik*, имя которое дают – *krsno ime*, место и посуда – *krstionica*, а „нас называют“ *kršćani*. Бабиц предупреждает, что не надо бороться со словами, которые по сути дела являются хорватскими.² Блокировка существует особенно тогда, когда от типично хорватского слова нельзя образовать прилагательное (напр., от *vlak* – **vlačni red*), поэтому используется *vozni* от *voz*, что связывается с сербским языком.³ По отношению к разнообразию, которые являются основой любой коммуникации, Степан Бабиц занимает очень рестриктивную позицию.⁴

8. В сербской лингвистике не наблюдается большой энтузиазм в изучении словообразовательных различий, и нам неизвестны специальные работы на эту тему. В последнее время в сербском языкознании усиливается тенденция к пересмотру статуса иностранных слов. Некоторые при этом занимает радикальную позицию. Она порой относится и к хорватскому языку. Так Миле Медич пишет: „U Hrvatskoj nema nikakvih ‘srbizama’. U Hrvatskoj su sve riječi srpske. Sve su one srbizmi.“ [MEDIĆ 2004, 113]. Критическую позицию по отношению к хорватским толкованиям различий высказал Божо Чорич. Он подчеркивает, что не только уменьшительно-ласкательный суффикс *-će*, но и *-ić/-čić* принадлежат сербскому языку [ČORIĆ 1998, 558]. Чорич занимает критическую позицию к „искусственному“ созданию различий между сербским и хорватским языками: „Kad nema dovoljno razlika unutar postojećeg standardnog jezika onda se razlike vještački proizvode. One su

¹ Некоторые предлагают название *ukrasni pauk*.

² „Jezik je složen organizam, zato u jezičnim ocjenama valja biti oprezan da ne bismo krivo sudili, a posebno da ne bismo zbog nerazumjevanja hrvatsko-srpskih jezičkih odnosa progonili hrvatske riječi.“ [BABIĆ 2004, 193]

³ В качестве решения Степан Бабиц предлагает использовать слово *voznica* [BABIĆ 1995b, 119].

⁴ „[...] ako za isti pojam imamo u jeziku dvije riječi koje se potpuno podudaraju i u logičkom i u afektivnom značenju, jedna je od njih suvišna, balast.“ [BABIĆ 2004, 195]

'rezultat najnovijega službenoga i/ili neslužbenoga arhaiziranja, novoteorenja i uopće razjednačavanja u hrvatskome sšandaru, npr.: *šport – sport, pristupnik – kandidat, suosnik – koaksijalni kabel, predočnik – ekran, perilica – mašina za pranje veša, glavnjak – džekpot, mamutnjak – džambodžet, limunika – grapefruit (sic), odmoridba – turizam, igralica – igračka, samovrtjelica ili zrakomlat – helikopter* itd.' U kojoj mjeri i kojom brzinom će se ova 'novotvorenja' uključiti u jezičku praksu Hrvata, ostaje da se vidi. Trenutno stvari stoje ovako: u jednom razgovoru na hrvatskoj televiziji (13. aprila 1998) rektor Zagrebačkog sveučilišta govori o prijemu i upisu *pristupnika* na fakultete, a TV-novinarka sve vreme govori o *kandidatima* za prijem i upis." [ĆORIĆ 1998, 559]. Чорич также критически рассматривает взгляды австрийского лингвиста Хелмута Вайнбергера [ĆORIĆ 2003, 212-219].

9. Что касается позиции бошняцких лингвистов, она пока сильно не проявляется. Здесь выделяется работа Наилы Валевац, в которой сравниваются языки Боснии и Герцеговины (боснийский, сербский и хорватский) и выделяются следующие своеобразия: 1) боснийская и хорватская норма предусматривает только существительные на **-ist** (*lingvist*), 2) в сербском нормe допускается и **-ista** (*lingvista*), 3) боснийская и сербская нормы допускают дублиеты *diplomat/diplomata*, 4) существительные с суффиксом **-telj** господствуют в хорватском языке (*čitatelj*), а боснийском используется и суффикс **-lac** (*gledalac*), 5) в хорватском языке существительные на **-ba** (*izvedba, provedba*) вытеснили существительные на **-nje** (*izvođenje, provođenje*), в то время как в боснийском языке более частотным и обычным является второй суффикс, а сербский язык придерживается старых словообразовательных моделей (*napodba, pogodba* но *izvođenje, provođenje*). [VALJEVAC 2005, 85-86]

Литература:

- BABIĆ 1963/64: Babić S. Uklanjanje hrvatsko-srpskih jezičnih razlika // Jezik. – Zagreb. – Br. 10/3. – S. 63 – 71.
 BABIĆ 1968: Babić S. Sporni sufiks **-telj** // Jezik. – Zagreb. – God. 15. – S. 113 – 116.
 BABIĆ 1985: Babić S. O *sjedistu* i *sjedalu* kao nedovoljno objašnjenom problemu // Jezik. – Zagreb. – Br. 32/4. – S. 121 – 123.
 BABIĆ 1989a: Babić S. *Dioničko* ili *dioničarsko društvo* // Jezik. – Zagreb. – Br. 37/1. – S. 26 – 27.
 BABIĆ 1989b: Babić S. Hrvatska jezikoslovna čitanka. – Zagreb. – Globus. – 322 s.
 BABIĆ 1993: Babić S. *Djed Božićnjak* // Jezik. – Zagreb. – God. 40. – S. 45.
 BABIĆ 1995a: Babić S. Rješenja u tvorbi riječi // Babić Stjepan. Hrvatski jezik jučer i danas. – Zagreb. – Školske novine. – S. 121–149.

- Babić 1995b: Babić S. *Vozna karta – voznica* // Jezik. – Zagreb. – Br. 42/4. – S. 119.
 BABIĆ 1996: Babić S. O riječi *dragovoljac* // Jezik. – Zagreb. – Br. 44/1. – S. 34.
 BABIĆ 1998: Babić S. x // Jezik. – Zagreb. – Br.
 BABIĆ 1999a: Babić S. Dva tvorbena normativna problema // Jezik. – Zagreb. – Br. 46/3. – S. 104 – 112.
 BABIĆ 1999b: Babić S. Prezicnije o sufiksima **-kinja, -ica** // Jezik. – Zagreb. – Br. 46/5. – S. 198.
 BABIĆ 2000: Babić S. *Polovica* ili *polovina* kao pitanje // Jezik. – Zagreb. – Br. 47/4. – S. 152 – 155.
 BABIĆ 2001 dodati: Babić S. Još malo o *polovici* i *polovini* // Jezik. – Zagreb. – Br. 48/14. – S. 40.
 BABIĆ 2004: Babić S. Hrvanja hrvatskoga: Hrvatski u koštacu sa srpskim i u klinču sa engleskim. – Zagreb. – Školska knjiga. – 262 s.
 BIČANIĆ 1993: Bičanić N. *Djed Božićnjak* // Jezik. – Zagreb. – Br. 41/2. – S. 63.
 ĆORIĆ 1998: Ćorić B. Anatomija naopake hrvatske politike // Srpski jezik. – Beograd. – Br. 3/1-2. – S. 554 – 559.
 ĆORIĆ 1998: Ćorić B. Lingvoalhemici // Srpski jezik. – Beograd. – Br. 8/1-2. – S. 209 – 220.
 GUBERINA 1941: Guberina P. Razlike između hrvatskih i srpskih jezičnih oblika. Tvorba riječi // Hrvatski narod. – Zagreb. – Br. 3/95. 18. svibnja. – S. 12.
 KRMPOTIĆ 2001: Krmpotić M. Hrvatski jezični priručnik. – Kloštar Ivanić. – Agapa. – 453 s.
 MATEŠIĆ 1965-1967: Matešić J. Rückläufiges Wörterbuch des Serbokroatischen: I-II. – Wiesbaden. – Otto Harrassowitz.
 MEDIĆ 2004: Medić M. Obmane i zablude branitelja starih riječi. – Ruma: Srpska knjiga. – 180 s.
 NIKOLIĆ 2000: Nikolić M. Obratni rečnik srpskoga jezika. – Novi Sad – Beograd: Matica srpska – Institut za srpski jezik SANU – Palčić. – 1394 s.
 PROTUDER 1998²: Potuder I. Pravilno govorim hrvatski 2: Praktični jezični savjetnik. – Split: Naša ognjišta (Tomislavgrad) – Vlastita naklada. – 223 s.
 SKOK 1955-1956: Skok P. O sufiksima **-isati, -irati, -ovati**. – Jezik. – Zagreb. – God. 4. – S. 36 – 43.
 SRPSKI JEZIK 2006: Srpski jezik u normativnom ogledalu: 50 odluka Odbora za standardizaciju srpskog jezika / Priredili Branislav Brborić, Jovan Vuksanović, Radojko Gačević. – Beograd. – Beogradska knjiga. – 442 s.
 TEŽAK 2000²: Težak S. Hrvatski naš osebnosti. – Zagreb. – Školska knjiga. – 316 s.

TEŽAK 1991: Težak S. Hrvatski naš svagda(š)nji. – Zagreb. – Školske novine. – 195 s.

VALJEVAC 2005: Valjevac N. Standardna novoštokavština i jezička situacija u Bosni i Hercegovini // Standardna novoštokavština i bosanskohercegovačka jezička situacija. – Radovi Instituta za jezik. – Sarajevo. – Knj. XVII. – S. 4 – 111.

WEINBERGER 2003: Weinberger H. Hrvatski i srpski // Komparacija i funkcionowania współczesnych języków słowiańskich 1: Slowotwórstwo/Nominacja. – Universität Innsbruck, Institut für Slawistik – Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej. – Opole. – S. 171 – 179.

Источники:

Kro-Korp1: Hrvatski nacionalni korpus: [http:// www.hnk.ffzg.hr/](http://www.hnk.ffzg.hr/). – Состояние 10. ноября 2006.

Serb-Korp: Korpus savremenog srpskog jezika na Matematičkom fakultetu Univerziteta u Beogradu: [http:// ww.korpus.matf.bg.ac.yu/prezentacija/korpus.html](http://ww.korpus.matf.bg.ac.yu/prezentacija/korpus.html). – Состояние 10. ноября 2006.

Трофимович Т.Г. (Мінск)

КОМПОЗИТНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ И ТИПОЛОГИЯ СТАРОРУССКОЙ ПРЕДМЕТНОЙ НОМИНАЦИИ

Известно, что наименование предмета появляется как результат сложной речемыслительной деятельности человека, направленной на объективацию знаний о мире. В процессе номинации с помощью слова из всех возможных качеств предмета выделены его существенные свойства, он отнесен к определенной категории [ЛЮРИЯ 2000, 401]. Все это делает предметное имя исключительно важной формой выражения смысла, своего рода средством связи человека и окружающей действительности, когнитивной моделью интерпретации ее явлений [ПЕТРУХИНА 2001, 195].

Производное наименование появляется и как результат познания свойств предмета, установления его признаков и выделения среди них одного главного, который и становится мотивом при именовании. Давая имя предмету, человек относит его к определенной категории однородных, одновременно эксплицируя знания о его свойствах. Такая деятельность языковой личности по объективации явлений действительности и дискретизации окружающего мира определяет ономасиологическую структуру производного наименования (ОСПН), состоящую из ономасиологического базиса (ОБ) и ономасиологического признака (ОП).

ОП как понятие о замеченных и признанных главными вообще или в процессе именовании качествах предмета может быть использован как типологизирующий параметр при установлении типов номинативных единиц. Понятийная сущность ОП делает возможной процедуру его структурирования, состоящую в движении от общих понятий к частным. ОСПН показывает, что ОП может быть представлен как признак обобщенный (ООП), конкретизированный (КОП) и частный (ЧОП). Это детализирует сведения о мотивах появления наименований и сущности номинативной деятельности вообще.

Опираясь на характер ОП, можно провести типологизацию не только производных однословных, но и неоднословных субстантивно-атрибутивных словосочетаний, ономасиологическая структура которых изоморфна. Указанные виды наименований находятся в состоянии амбивалентного взаимодействия, укрепляющего позиции их комплексного рассмотрения. Для сферы старорусской предметной номинации такой подход исключительно продуктивен, поскольку учитывает ее специфику.

Предметные наименования, зафиксированные старорусским деловым языком, возникали чаще всего с опорой на признак по действию, объекту, принадлежности, числу, времени, месту. Устанавливаемые агентивный,